

УДК 94 (47); 378

TATIANA NIKOLAEVNA ZHUKOVSKAYA

*Ph.D. in History, Associate Professor,
Department of Russian History since Ancient History till the 20th century,
Institute of History, Saint Petersburg State University,
199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, Mendeleev l., 5.
E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru*

Between Power and Society

(Review of the book: Rostovtsev E.A. «The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society, and Power (second half of the XIX – beginning of the XX century)». Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.)

The review is a landmark for the historiography of St. Petersburg University and for modern university studies the book of the St. Petersburg historian E.A. Rostovtsev. The author presents a social and anthropologically oriented history of three decades of the existence of the corporation of the St. Petersburg University, while simultaneously redefining the long-term power strategies with respect to universities and tracing their public reputation. The novelty of the approach of the second is the systematic analysis of a large statistical and biographical material and an attempt to present a «collective social portrait» of the academic corporation, both professorial and student. Attention is drawn to the complex internal structure and the system of relations in the professorial corporation of the capital's university. The conclusion of E.A. Rostovtsev that its solidary actions and the language of dialogue with the authorities often compelled the government to concede, correcting and supplementing the existing university legislation. Numerous university «crises» (1897, 1899, 1901, 1905–1906, etc.) were often resolved in favor of the university community and in the interests of science.

Keywords: *St. Petersburg University, professorship, students, collective biographies.*

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX в.,
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 5.
Тел.: (812) 328-94-48, e-mail: tzhukovskaya@yandex.ru*

Рецензия представляет этапную для историографии Петербургского университета и для современных университетских штудий книгу петербургского историка Е.А. Ростовцева. Автор пишет социальную и антропологически ориентированную историю трех десятилетий существования корпорации Петербургского университета, одновременно переопределяя долговременные стратегии власти в отношении университетов и прослеживая их общественную репутацию. Новизна подхода автора заключается в системном анализе большого статистического и биографического материала и попытке представить «коллективный социальный портрет» академической корпорации как профессорской, так и студенческой. Обращается внимание на сложную внутреннюю структуру и систему отношений в профессорской корпорации столичного университета. Важен вывод Е.А. Ростовцева о том, что ее солидарные действия и язык диалога с властью нередко вынуждали правительство уступать, корректируя и дополняя действующее университетское законодательство. Многочисленные университетские «кризисы» (1897, 1899, 1901, 1905–1906 гг. и др.) часто разрешались в пользу университетского сообщества и в интересах науки.

Ключевые слова: *Санкт-Петербургский университет, профессорская корпорация, студенчество, коллективная биография.*

Между властью и обществом

(Рецензия на книгу Е.А. Ростовцева «Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.)».
М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.)*

Монография петербургского историка Евгения Анатольевича Ростовцева [1] стала ожидаемым событием в хронике пятилетней работы Центра изучения истории Санкт-Петербургского университета, одним из организаторов и научных лидеров которого является автор. В то же время дан-

ное исследование представлено как продолжение серии изданий, объединенных проектом Германского исторического института в Москве, названным «Ubi universitas, ibi Europa», цель которого – изучение каналов и форм трансфера европейской университетской идеи и организации в императорскую

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00528.

Россию. Но главное, что хотелось бы подчеркнуть и что, безусловно, оценит читатель-специалист: столь фундаментального труда, посвященного сложному пореформенному периоду истории наших университетов, уникального по объему введенного в оборот фактического материала и важности заявленных новых подходов и интерпретаций, – отечественная историография не знала, пожалуй, последние четверть века, со времен выхода исследований Р.Г. Эймонтовой и А.Е. Иванова, посвященных университетской политике и социальной истории высшей школы [2; 3].

Локализация исследовательских усилий на всестороннем изучении структуры и жизнедеятельности академической корпорации Петербургского университета в хронологических рамках 1884–1917 гг. (хотя автор неизбежно выходит за них) является серьезным вкладом в историописание столичного университета империи и одновременно содержательным сводом данных для сравнительного изучения университетских сообществ пореформенной России.

Претензия на фундаментальность этого исследования заявлена уже в обстоятельном историографическом введении к книге, в котором Е.А. Ростовцев учел и представил практически всю имеющуюся литературу по истории Петербургского университета, а также этапные труды по истории высшей школы в России, написанные отечественными и зарубежными авторами за последние десятилетия. Несомненно, Е.А. Ростовцев мыслит себя внутри отечественной традиции университетских исследований, в частности, как продолжатель штудий нескольких поколений историков Петербургского университета, к которым принадлежали В.В. Григорьев, С.В. Рождественский, С.Б. Окунь, Ю.Д. Марголис, Г.А. Тишкин, Р.Ш. Ганелин и др. В то же время в попытке переопределения проблематики исследований пореформенного университета Е.А. Ростовцев тяготеет к современным англо-американской и немецкой школам *university studies*. В значительной степени его труд можно воспринимать как продолжение опыта коллективного портретирования профессорской корпорации императорской России с помощью методов просопографии, который продемонстрирован работами профессора Гёттингенского университета Труде Маурер (1955–2017) [4; 5].

Следует подчеркнуть, что до сих пор «новая история» российских университетов презентировалась в основном на материалах более раннего периода XVIII – первой половины XIX в. и при явной недооценке деятельности и специфики Петербургского университета [6; 7], который занял научные и административные позиции внутри общеимперского университетского пространства позже других центров, а стал безусловным лидером уже в пореформенную эпоху.

Наблюдения Е.А. Ростовцева строятся на разнообразных по происхождению и содержанию источниках как архивных, так и опубликованных. Среди них недооцененные предшественниками протоколы Совета университета и факультетских собраний, университетские отчеты, журналы заседаний Прав-

ления, материалы о деятельности студенческих и научных обществ при университете. Внимательно обработаны списки профессоров, формуляры, дела об увольнении, а также «Обозрения преподавания» за разные годы. Широко используются многочисленные для изучаемого периода мемуары, дневники и эпистолярные источники, а также периодическая печать, в том числе студенческие издания.

Избранный автором метод коллективного социального портретирования внутренне неоднородной и постоянно разрастающейся, как губка, академической среды был применен в форме систематизации биографических данных о каждом из почти тысячи представителей корпорации столичного университета изучаемого времени по двум десяткам параметров. Среди них: происхождение, образование, национально-конфессиональная принадлежность, семейное положение, читаемые курсы, внутриуниверситетская ротация до/после достижения ученой степени и постоянной позиции на факультете, публикационная активность, направления совместительства в академических учреждениях и других учебных заведениях столицы и т. д. Обобщения Е.А. Ростовцева, по существу, строятся на результатах многолетней поисковой и систематизаторской работы большого авторского коллектива [8]. Но поскольку данный проект является продолжающимся, статистические данные, обработанные автором монографии, в ряде случаев обозначают те или иные тенденции, но не являются окончательными и абсолютно точными. Это следует понимать, используя и интерпретируя фактические сведения, заключенные в десятках помещенных в рецензируемом издании диаграмм, таблиц и графиков, отражающих академический рост, ротации, численные параметры корпорации университета и ее отдельных сегментов.

Многообразие новаторских научных положений и выводов, которые отстаивает автор рецензируемой книги, исключает возможность их последовательного комментирования в данном тексте. Остановимся только на наиболее важных из них, оценивая их методологическую и фактографическую аргументированность, или на тех, что вызывают полемический отклик.

Наблюдая университет пореформенный как бы «изнутри», Е.А. Ростовцев сознательно избирает «профессороцентричный» фокус описания проблем взаимодействия университетской корпорации с властью и обществом, в отличие от историков 1960–1990-х гг., по преимуществу реконструировавших университетскую политику власти. Это позволяет автору выровнять некоторые перекосы отечественной историографии, изображавшей университетскую профессуру пассивной восприимчивой министерских решений, раздираемой конфликтом между «левыми» и «правыми», заложницей оппозиционной активности студенчества. Под пером Е.А. Ростовцева профессорская корпорация предстает самостоятельным актором как университетской истории, так и истории движения за академические и политические свободы.

Прежде всего, в специальной главе автор корректирует представления о внутренней структуре

корпорации, выделяя не только профессиональные/факультетские отряды, но и статусные группы «старших» (ординарных профессоров, заседающих в Совете) и «младших» (приват-доцентов, экстраординарных профессоров без магистратуры, преподавателей, профессорских стипендиатов и пр.). «Младшие» преподаватели становятся все более многочисленными, ввиду усложнения содержания преподавания и интенсификации кадровых ротаций. Они занимают свою нишу, согласно статусу, размерам и форме вознаграждения, мере включенности в университетское преподавание и самоуправление, составляя противовес или, наоборот, оказывая поддержку «старшим» по разным вопросам. Но, разрастаясь и усложняясь, корпоративный организм тем не менее демонстрирует способность к согласованным действиям и в целом рисуется более монолитным, чем представлялось раньше.

Правомерным является рассмотрение в отдельной главе социальной структуры и ролей, которые играло студенчество рассматриваемого времени, как, с одной стороны, объект академического наставничества, а с другой – запасной отряд академического движения, временами превращаемый в таран или буфер, смотря по обстоятельствам внутренних и внешних конфликтов университета. Реконструируется также система общественного и культурного взаимодействия столичного университета с городской средой, формы публичности, общественные площадки, где Петербургский университет позиционировал себя.

Все более важной, как подчеркивает автор, становится политическая активность универсантов как легальная (через Городскую и Государственную думы), так и «подпольная», а также «уличная», производившая сильное впечатление на обывателя. Эти формы самопрезентации университета городу дополняются активностью коммеморативной, просветительской, вовлечением в общественные проекты вроде Народных университетов или помощи начальным училищам.

Е.А. Ростовцев приходит к выводу, что корпоративная солидарность универсантов проявляется и крепнет прежде всего в отношении к основной цели и общественной миссии университета как эмбриона российского гражданского общества, как поля для отстаивания идеалов будущего либерального политического устройства и как основной лаборатории российской фундаментальной науки. Отметим, что в «университетский вопрос» начиная с 1860-х гг. вмешиваются различные социальные институты (научные и общественные организации, политические партии, общественное самоуправление и т. п.), усложняя ландшафт наблюдения для университетского историка. Преодолевая эти затруднения, Е.А. Ростовцев показывает, как формулировались и менялись представления самой профессорской корпорации об «идеальном университете» для Петербурга и России. Данная интеллектуальная конструкция вот уже два столетия зиждется на представлениях университетского сообщества (зачастую идеализиро-

ванных и даже архаизированных) об университетской автономии как неперемennom условии процветания университета классического и постклассического. Априори считается, что именно широкое внутреннее самоуправление университета и его относительная независимость от государства обеспечивает «свободу самопополнения» корпорации, интеллектуальную конкуренцию, свободу творчества, успех науки. Прямой связи между объемом и формами автономии и академическими достижениями, как показывает история российских университетов, не обнаружено. Степень академической свободы, кроме того, не определяется границами административных полномочий и правового (а также имущественного или иного) иммунитета университета. Однако в коллективном сознании сообщества сложилась и приобретала временами почти сакральное значение воображаемая конструкция «автономии», отсылающая к «золотому веку» университета. Вот почему в 1-й главе книги автор проводит обоснованное и корректное соотнесение этой конструкции с нормативными и реальными границами университетского самоуправления. Впрочем, детальное описание идеи университетской автономии в России как ментальной конструкции еще представляется делом будущего. Вопрос о юридической, социальной и культурной проекциях *идеи* «университетской автономии» продуктивно было бы обсудить в рамках историко-социологических наблюдений П. Бурдьё, в контексте введенного им понятия «университетской доксы», т. е. договорной природы университетских самопрезентаций [9].

Автор рецензируемого труда обращает внимание на то, что «борьба за автономию», достигшая наивысшего напряжения, когда реальная автономия была как раз максимально широкой, базировалась на стремлении сообщества к накоплению символического капитала как условия приращения общественного авторитета университета. Фетишизация «университетской автономии» определяла самосознание и коллективные стратегии университетской корпорации в изучаемый период, получивший определение периода «борьбы за автономию». Границы воображаемой «автономии» соотносились, скорее, с *образами* европейских и, в частности, немецких университетов, а отнюдь не с реальными условиями их деятельности. При этом, как показывает исследователь, «зазор» между юридическими рамками, определенными университетским законодательством Российской империи и социальными практиками существования университетов в системе государственных институтов, временами был велик. В дореформенный период сама власть систематически нарушала дарованную ей «автономию». С другой стороны, в период действия «ограничительного» устава 1884 г. корпоративные традиции «зачастую оказывались более значимыми, нежели нормы закона». В то время Совет профессоров как коллегиальный орган имел решающее значение для определения «всего хода внутренней жизни университетов» [1, с. 111], и это означает, что фактическая

автономия университетов и тогда была несравнимо больше формально-юридической.

Можно согласиться с автором в том, что именно опыт борьбы за академическую автономию, под знаменем которой корпорация противостоит власти и консолидируется, в конечном итоге в начале XX в. превращает университет в прообраз гражданского общества, колыбель оппозиции, питомник всех политических партий, не исключая правых. Столь мощного эффекта оккупации малочисленной для огромной России университетской и околоуниверситетской «публикой» публичного пространства и идейного поля не случилось бы, если бы «правительство» не занимало в пресловутом «университетском вопросе» позицию осторожного наблюдателя, регулировщика, но не жандарма. Рассуждать о «борьбе» корпорации с властью за автономию сегодня нужно без присутствия советскому историографическому дискурсу милитаризационных ассоциаций. Тем более что в «правительство», которое также не было анонимным актором на этом поле взаимодействия, была включена и немалая часть университетской корпорации в статусе министров народного просвещения и их товарищей, попечителей округов, глав ученых комитетов при министерстве, инспекторов студентов и т. д.

Ректор университета приобретал двойную идентичность, транслируя сообществу установки правительства, но не переставая быть представителем корпорации, его избравшей. Хотя и в этом ряду имелись исключения: ректоры Петербургского университета М. И. Владиславлев, В. И. Сергеевич, действовавшие «против» университетского сообщества в моменты университетских кризисов 1887 и 1899 гг. Таким образом, граница между «корпорацией» и «властью» – это не фронт, а фронт, поле не столько противостояния, сколько сотрудничества в интересах развития университетской организации и науки.

Представляя читателю социальную и антропологически ориентированную историю трех десятилетий существования корпорации Петербургского университета, Е. А. Ростовцев попутно переопределяет и долговременные стратегии самой власти в отношении университетов. Это важно, поскольку до сего дня политика императорской власти в университетском вопросе описывалась как череда «ответов» на политические вызовы времени, как чередование «ослаблений» и «контрреформ», а это очевидное упрощение. Эффективность коллективных действий академической корпорации (вместе с общественно активным студенчеством или независимо от него) нередко вынуждала правительство уступать, корректируя и дополняя действующее законодательство. Многочисленные университетские «кризисы» (1897, 1899, 1901, 1905–1906 гг. и др.) часто разрешались уступками со стороны самодержавия. Однако, как нам кажется, исследователь, оказываясь в определенной зависимости от источников и историографии, все же преувеличивает меру конфликтности в противостоянии «власти» и «корпорации». Самодержавие при всех антипатиях последних императоров к университетской либеральной публике,

«нигилистам» и активистам студенческого протеста не могло помыслить ничего подобного примененным Советской властью методам классовых «чисток», выдавливания, идеологического диктата, доносительства, шельмования и физического истребления «старой» профессуры. Все это вскоре испытала на себе корпорация Петроградского университета, «рассеивание» которой, как подчеркивает автор, начинается уже в 1919–1922 гг.

В последней главе книги Е. А. Ростовцев представляет хронотоп университетской эмиграции, конец которой почти совпадает с концом советского государства. Последний из эмигрировавших преподавателей дореволюционного столичного университета ориенталист М. Н. Рамминг умер лишь в 1988 г. [1, с. 757]. Находясь по эту сторону границы, к 1922 г. в университете удержалось менее 40% от состава дореволюционной корпорации. Все же царское правительство вело себя на порядок мягче с теми, кого считало неблагонадежными: персональные репрессии в форме запрета на преподавание или определения под надзор полиции касались лишь единиц, но никогда – всего «ученого сословия».

Автор монографии указывает на специфику профессиональной и социальной мобильности университетских людей, в основе которой лежала внутренняя дифференциация сообщества Петербургского университета на страты. Им обнаруживается все более усложняющаяся с годами «анатомия» преподавательского корпуса. Е. А. Ростовцевым изучены историки и филологи, гуманитарии, юристы, востоковеды, представители точных наук как самостоятельные «факультетские» группы. Они выглядят очень разными с точки зрения просопографии, в возрастном, научном, национально-конфессиональном и даже семейном отношении, на чем, пожалуй, до сих пор историки не акцентировали внимания. Путем выстраивания широких статистических рядов или коллективного портретирования Е. А. Ростовцеву удается зафиксировать несколько процессов профессиональной и социальной трансформации университетской профессуры, таких как перемещение научного лидерства от представителей точных наук к гуманитариям, начиная с 1890-х гг., неравномерность численного распределения преподавателей по факультетам, все усложняющаяся структурированность корпорации по статусу преподавателей и, как следствие, усиление внутренних конфликтов между «старшими» и «младшими». К числу последних принадлежали те, кто годами, а то и десятилетиями пребывал в ожидании профессорской позиции. Наличие докторской степени при этом не являлось «входным билетом» на ожидаемую кафедру. Только оказавшись в рядах ординарных профессоров с соответствующими доплатами и доступом к обсуждению и выстраиванию университетской политики через Совет университета или факультетские собрания, человек приобретал высокий и более-менее прочный социальный статус.

Таким образом уже для конца XIX в. университетская карьера представляется «30-летним ма-

рафоном» со все более жесткой конкуренцией за профессорское место и студенческую аудиторию, с растущей педагогической нагрузкой, все более интенсивной публикационной деятельностью, напряженной и длительной подготовкой к защита диссертаций. В этом марафоне фактор семьи и фактор наличия прочных академических связей, формальных и неформальных, имели решающее значение при прочих равных условиях. Фактор происхождения отодвигается на второй план. В то же время малочисленный историко-филологический факультет по составу профессоров (и студентов) становится все более аристократическим, а многочисленные юридический – наоборот.

Можно согласиться с тем, что попадание в состав преподавательской корпорации университета давало относительно высокий социальный статус, но при этом не гарантировало полного материального благополучия. Размер заработка университетского преподавателя, как отмечает Е.А. Ростовцев, зависел от многих факторов: позиции ученого в университетской иерархии, популярности его лекций среди студентов, количества слушателей на факультете, общей программы факультетского преподавания (соотношения числа обязательных и необязательных курсов, количества недельных часов и т. п. [1, с. 123]. Таким образом материальные приобретения не были автоматическим следствием получения искомой степени, или должности и не являлись неизменными и пожизненными.

Столь амбициозное и разностороннее исследование как книга «Столичный университет...» побуждает к размышлению. Позволим себе лишь обозначить те вопросы, на которые она наталкивает, если развить отдельные положения автора. Одно из важнейших – об особом месте Петербургского университета в ряду других. Нам еще, видимо, предстоит осмыслить, в каких именно социальных и научных практиках Петербургской университетской корпорации проявлялся феномен ее «столичности»? Чем отличались формы противодействия власти и взаимодействия с обществом в провинциальных университетских городах? В какой момент провинциал по рождению признавался «своим» внутри столичного академического сообщества? Известно, что университет и в том числе российский был великим социальным уравнивателем и мощным социальным лифтом, наделявшим своих питомцев новой географией «профессионального рождения» и новой родословной. С какого момента персональной биографии начинала работать новая идентичность? С момента окончания университета? Получения постоянной позиции в нем?

На наш взгляд, специфика столичного университета, состояла уже в том, что черты так называемого «утилитарного университета», каким был создан университет при Академии наук в XVIII в., им никогда не утрачивались, а в XIX в. они сочетались с чертами «классического». Отсюда – более выраженная прагматика и ориентированность на карьеру большинства его студентов, более острая конкурентная борьба за академические позиции среди преподавателей.

Находясь в административном центре империи с обилием канцелярий, образовательных учреждений, гражданских и военных училищ, общественных институтов, Петербургский университет с его кафедрами дипломатики, восточных языков, финансов, права, обслуживающими дипломатические и колониальные интересы Империи и одновременно стремительное развитие ее индустрии, – был дальше от абстрактно-гуманистического идеала «ученой республики», чем любой другой.

Исследователь оправданно посвящает просопографическому анализу и портретированию и исследованию активности студенчества столичного университета самостоятельный сюжет [1, с. 206-289]. По этой группе, как и по профессуре, биографические данные обобщены с 1819 г. Это позволило Е.А. Ростовцеву представить взаимосвязанность двух сообществ, профессорского и студенческого. Но каков механизм взаимодействия профессорской культуры и студенческой субкультуры? На каком поле они взаимодействовали, дополняя друг друга? В общих коммеморативных практиках, в выступлениях студентов, в семинариях, научных лабораториях, на профессорских журфиксах, в личном взаимодействии учителя и ученика, отраженном во множестве эго-документов? Каков механизм этого пересечения? На наш взгляд, его можно представить через конкретные схолярные исследования научной преемственности и научной активности, которые предпринимались представителями точных, естественных и гуманитарных наук, но, увы, без необходимого согласования усилий и подходов.

Закреплению в общественном сознании и социальной жизни идеала «классического университета», как подчеркивает Е.А. Ростовцев, способствовала эпоха позитивизма, когда, собственно, и происходит становление науки как особой интеллектуальной и корпоративной практики. Тогда же возникает мощный социальный заказ на подготовку специалистов в области как естественнонаучного, так и гуманитарного знания. Смена возрастных когорт и профессиональных отрядов в качестве лидеров внутри университетского сообщества фиксируется автором в диаграммах и таблицах, обобщающих индивидуальные жизненные траектории университетов.

Опыт коллективного портрета преподавательского мира Петербургского университета, представленный Е.А. Ростовцевым, обнаруживает не только эффективно работающие механизмы растущей конкуренции за профессорскую позицию, но и успешное сосуществование различных корпоративных укладов в разных областях знания, обеспечивавших устойчивость университетского мира перед лицом различных вызовов. Фактически автор открывает существование внутри университетского сообщества нескольких корпоративных укладов, на каждом факультете, со своей спецификой.

Наиболее детально в основной части своего исследования Е.А. Ростовцев прослеживает выстраивание «снизу», со стороны университетской корпорации, непрерывного диалога с властью, от-

раженного в языке коммуникаций, вербальном и невербальном. Если на более раннем документальном материале попытки оппонирования власти и ведомству народного просвещения прослеживаются лишь эпизодически, то для пореформенного университета эта тема становится основным содержанием Протоколов Совета профессоров.

К числу безусловных удач монографии также относится описание разнообразных форм взаимодействия университета с городской средой и общественным движением (гл. 5–6).

В рецензируемой книге затронут ряд дискуссионных проблем, выходящих за рамки определенного автором исследовательского поля, что не может не вызывать встречные возражения и необходимые комментарии. Вот лишь некоторые из них.

Уже в самом начале, вероятно, в порядке противопоставления дореформенному времени, Е. А. Ростовцев определяет Петербургский университет конца XIX – начала XX в. с его 6–12 тысячами студентов и несколькими сотнями преподавателей как «массовый» [1, с. 15]. Здесь, думается, мы сталкиваемся со смысловой лакуной, заставляющий задаться вопросом: когда в России в целом состоялся переход от модели классического университета (университета для элиты) к «массовому» университету (университету для всех). Это определение автор связывает с «демократизацией» сословного состава студентов и профессоров, формированием «социального заказа» на образованность в период индустриализации и урбанизации 1890–1910-х гг. Но, во-первых, демократизация, если понимать под ней «раздворяние», была совсем не очевидной, ибо дворяне личные и потомственные в предреволюционные десятилетия составляли более 40 % от состава преподавателей [1, с. 172–173], что не меньше, а больше чем в 1830–1840-х гг. Не был существенно меньше дореформенного и процент студентов-дворян. Однако многие из преподавателей приобрели личное дворянство уже в университете, вместе с ученой степенью, согласно российскому законодательству. Во-вторых, дворянская часть университетской корпорации была представлена не землевладельцами, а детьми классовых чиновников, в своей массе живущих собственным трудом, в том числе детьми вузовских и школьных преподавателей, т. е. стратами, представляющими общество переходное от сословного к буржуазному.

В российском социальном ландшафте рубежа веков с 13% городского населения, в сравнении с урбанизированными на 60% странами не только Западной, но и Центральной и Южной Европы (такими как Италия), университеты (а их в России было до революции всего 11), оставались все же «оазисами» формирования профессиональной и культурной элиты. Обладатели университетских дипломов в стране не составляли и доли процента ее населения. Повышение роли университетов как научных лабораторий только усиливало черты их элитарности. Определение российского университета как «массового» в данном случае – очевидный анахронизм, это неверно и для довоенного советского университета, в кото-

ром численность студентов стала еще меньше (в ЛГУ сократилась в начале 1930-х гг. почти в 2,5 раза по сравнению с 1914 г.).

Между тем, тип настоящего «массового университета», утвердившегося в мире лишь во второй половине XX в., уже описан в основных чертах, например, в многотомной истории университетов Европы [10]. Можно допустить, что советские университеты приблизились к этому типу на рубеже 1960–1970-х гг., когда увеличилось их количество (за счет университетов в национальных и автономных республиках СССР) и цифры приема.

Многokrратно в тексте книги повторяется мысль о том, что внешнее и внутреннее управление университетом в Российской империи строилось в соответствии с «патерналистской моделью», как известно, анонсированной в момент университетской реформы Александра I. Она представляла собой пирамиду: университет, опекаемый властью («устроительницей») через попечителей округов – профессора, воспитывающие студентов специалистами и гражданами, как родители воспитывают своих детей. Верхняя часть этой конструкции, пожалуй, просуществовала дольше, чем вторая. Однако «семейный» стиль повседневной жизни и внутреннего управления университета, о котором повествует автор, как социально-культурная конструкция – нечто более конкретное, он, как принято считать, сложился именно в малочисленном дореформенном российском университете [11]. Притом уже в 1840-е гг. «семейный стиль» размывается, что связывается с изменением *качества студентов*: перераспределением студенческой массы в пользу своекоштных, сокращением числа казеннокоштных и правительственных стипендиатов, сменой поведенческой модели для студенчества от активности игровой (уличной и «трактирной») – к активности академической и общественной [12].

Дореформенное университетское сообщество мирилось с ролью управляемых, не выражая потребности использовать дарованные права самоуправления в полном объеме, или быстро сворачивало свою активность в этом направлении. Так, функционирование университетского суда, выборы ректоров и профессоров, сохраненные по уставу 1835 г., сразу стали номинальными и подконтрольными процедурами. Недействующие институты атрофировались. Но по мере роста академической корпорации, ее научных, социальных и административных амбиций патерналистская модель «императорского университета» стала восприниматься как безусловная архаика и территория несвободы. Этот конфликт вышел на поверхность после вступления в действие устава 1884 г. и обострился в начале XX в.

Е. А. Ростовцев предположил, что современные исследования социальной антропологии и повседневности российских университетов преуменьшают их зависимость от государственной политики [1, с. 8]. Но основная проблема наблюдателя состоит в том, что четкую границу между «властью» и «академической корпорацией» в Российской империи трудно

провести, особенно для пореформенного периода. Университет был государственным учреждением, воспринимался как объект управления, зависимый от государства в идейном, административном, полицейском и, главное, материальном отношении. Но университетское сообщество и само встраивалось в систему власти, делегируя в нее наиболее амбициозных своих представителей. Университет мог противопоставить всесторонней зависимости от власти только «социальный капитал» и коллективную общественную репутацию. Последняя до начала XX в. определяется как неоднозначная, учитывая страх общества перед террором после 1881 г. и нелюбовь обывателя к «безнравственным» и беспоконным студентам.

Здесь самое время обратиться к наиболее спорному, как представляется, надуманному и отнюдь не необходимому в контексте изучаемой проблематики положению автора о том, что петербургские профессора в какой-то момент стали восприниматься как «академические мандарины» [1, с. 20–21]. Тем самым автор убеждает, что власть и знание в глазах публики (хотя бы столичной) могли быть отождествлены. Е.А. Ростовцев по существу переносит на изучаемый исторический материал цветистое определение, принадлежащее немецкому историку Фрицу Рингеру, и маркирующее совсем иные социальные и политические реалии [13].

В университетской Германии, согласно Рингеру, многочисленное и равномерно плотное, а не локализованное в двух-трех центрах, университетское сообщество приобрело за 150 лет с начала «золотого века» немецких классических университетов высокий общественный статус не по праву происхождения или богатства, а благодаря знаниям и высокой репутации самих университетов. С университетскими людьми, причем не только с именитыми профессорами, но со всеми обладателями дипломов, считались как местные властители, так и корона, после объединения Германии. Немецкие «академические мандарины» постепенно заменяли советников верховной власти из числа аристократов, становясь ее опорой и важными акторами новой индустриальной эпохи («технократами»), наряду с промышленными группами, политическими партиями, рабочим классом.

Правдоподобие данной историографической конструкции для Германии времен Бисмарка не придает ей качеств универсальной теоретической отмычки. В российской социально-исторической реальности, на наш взгляд, тезис о широком распространении «власти знания», меняющей мир, опровергается на каждом шагу. Исторический тип академических «мандаринов» в России не оформился, он едва успел появиться на поле публичности в начале XX в., выйдя на думскую и общественную трибуну, но не оказывал и близко того влияния на высшую бюрократию и верховную власть, как это было в Германии. Собственных «технократов» самодержавие традиционно вербовало из числа военных специалистов, успешных промышленников (нередко иностранцев по происхождению). Среди них университетские про-

фессионалы, оказавшиеся в министерстве финансов или министерстве народного просвещения, были в меньшинстве. К тому же, став администраторами, они естественным образом перестали представлять академическую корпорацию, от нее оторвавшись.

Таким образом, определение «академические мандарины» в приложении даже к «небожителям», т. е. верхней страте университетского сообщества, представляется нам неудачным, причем совершенно не вытекающим из результатов собственных просопографических и социально-исторических наблюдений Е.А. Ростовцева. Как усвоил читатель из первых глав его книги, речь идет лишь о 10% университетской публики, а именно ординарных профессорах, входящие в Совет. Однако, как многократно подчеркивалось, в глазах конкурентной группы «младших» преподавателей эти «небожители» не наделялись пожизненным патентом на административное влияние и на научное превосходство, то есть не воспринимались как «мандарины» даже в среде своих. «Младшие» не превозносили «старших» (исключая сложившиеся академические ритуалы), а больше всего желали потеснить их на кафедрах и в университетском Совете.

Главное, на наш взгляд, состоит в том, что общественное уважение к знанию и образованности, на которое опирается власть интеллектуалов, не успело сложиться в дореволюционной России, как не сложилось оно в России советской и постсоветской. Народ, от имени которого часто выступает власть, в массе своей не уважает знания, оттого сторонится, а то и презирает «интеллигентов». Под свежими впечатлениями Первой русской революции группа университетских интеллектуалов в сборнике «Вехи» (1909) заявила о страхе перед народом. С другой стороны, высшая бюрократия, двор и чиновничество не переставали держать социальную дистанцию в отношении к слишком «демократичной» университетской элите. Редкие исключения в лице В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, близких с членами царской семьи не меняют общей картины.

Спустя сто лет поэт и профессор Мичиганского и Колумбийского университетов Иосиф Бродский, изгнанный из советской России, в своей Нобелевской лекции бросил упрек в неуважении к знанию не только власти, но и народу. Он говорил: «Среди преступлений [полицейских режимов] наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения, и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжелое – пренебрежение книгами, их не-чтение. Сведенная к причинно-следственному минимуму, к грубой формуле, русская трагедия – это именно трагедия общества, литература и наука в котором оказалась прерогативой меньшинства: знаменитой русской интеллигенции» [14].

Уважение к знанию в Германии XIX в., конвертируемое в социальный и политический капитал, объясняется не только многочисленностью университетов, но плотностью рядовой «образованной среды». Всеобщая грамотность в Пруссии стала обязательна со

времен Фридриха II, а училища взяты на содержание местными обществами. В России редкие начальные школы вне крупных городов содержались земствами, частными благотворителями, помещиками-энтузиастами, всеобщее же начальное образование, как известно, было введено лишь Советской властью с отставанием от Германии в 160 лет.

Университетские профессора в Петербурге не только не составляли влиятельной группы при власти, но в дореформенное время долго находились в общественной изоляции, что было особенно чувствительно для них в блестящей столице Империи. Это положение проявлялось не только в социальной, но и в территориальной замкнутости «ученого сословия» и студентов, ограниченных рамками проживания и преподавания на Стрелке Васильевского острова и в ближайших пределах. Зримая дистанция между университетом и аристократическим центром столицы была минимальна, а социальная – очень велика. Император Николай I посетил университет, отстоящий от его кабинета всего на 300 сажен, единственный раз, 14 марта 1838 г., незадолго до торжественного Акта университета в связи с его возвращением в здание Петровских Коллегий. На самом Акте Государь не появился.

Слабым местом настоящего исследования, впрочем, вполне объяснимым ввиду его трудоемкости и позиционирования автором самого себя внутри сообщества историков СПбГУ, является своеобразный изъян оптики. Изучение корпорации Императорского Петербургского университета производится, в сущности, изолированного от других вузовских и иных ученых сообществ и организаций города, в котором плотность академической среды была велика и с которыми универсанты непрерывно взаимодействовали, в той же Государственной думе, просветительских и общественных проектах.

Некоторые выводы автора звучат достаточно спорно, что объясняется известным эффектом «вчитывания» в текст источника того, что исследователь хотел бы увидеть.

Имеются поводы для стилистической критики. Автор самым обстоятельным образом представляет

комплекс изучаемых проблем уже в пространном историографическом обзоре. Но приданные тексту огромные «подвалы» из сносок, уместные во вводной части не должны преследовать читателя до самого конца. Тем более что основное изложение дополнено 100-страничным приложением с 1,5 тыс. наименований, в котором повторены все процитированные источники и публикации. Манера искусственного наращивания текста таким способом не придает книге дополнительной фундаментальности, какая ей и без того присуща, однако портит читательское впечатление. Библиографический принцип оформления сносок, часто не связанных с прямым цитированием или упоминанием авторов в тексте, воспринимается как демонстрация научной эрудиции. Злоупотребление автоцитированием и ссылками на соавторов также не улучшает отношений текста и его читателя.

Подводя итог, можно констатировать, что рецензируемый труд, очень современный с точки зрения постановки исследовательских задач, методологии работы с источниками и языка изложения, безусловно, открывает новые горизонты и мотивирует всех исследователей истории Петербургского университета, какой бы проблематикой или периодом они не занимались. Сегодня нельзя писать историю российского университета так как это делалось еще 30 лет назад. Произведенные в последние десятилетия в университетских исследованиях «социальный поворот» и «антропологический поворот» предполагают расширение проблематики и приращение фактического знания в новейших отечественных исследованиях истории университетов. Рецензируемая книга в целом, находится в диалоге между названными двумя направлениями, оставаясь, безусловно, ценной сама по себе, в том числе как результат обобщения огромного конкретно-исторического материала. Вводимый автором в научный оборот беспрецедентный объем биографических и статистических сведений по возрастным и профессиональным группам и отдельным персоналиям преподавателей Императорского Петербургского университета приобретает широкое справочное значение.

Литература и источники

1. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
2. Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1991. 392 с.
3. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993. 272 с.
4. Maurer Trude. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. 959 S.
5. Маурер Труде. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: РОССПЭН, 2015. 527 с.
6. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
7. Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 649 с.
8. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). СПб., 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/881.html>. (дата обращения: 01.09.2017).

9. Bourdieu P. Homo Academicus. Standford: Standford Univ. Press, 1988. 384 p.
10. A History of the University in Europe / gen. ed. W. Rüegg. Vol. 4: Universities since 1945. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 660 p.
11. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Каз. государственный университет, 2005. 498 с.
12. Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63–76.
13. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
14. Бродский И. Нобелевская лекция [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt>. (дата обращения: 01.09.2017).

References

1. Rostovtsev E.A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. [The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society, and Power (second half of the XIX – beginning of the XX century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.
2. Ivanov A.E. *Vysshaya shkola v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Higher School in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 392 p.
3. Eimontova R.G. *Russkie universitety na putyakh reformy. Shestidesyatye gody XIX veka* [Russian universities on the path of reform. Sixties of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 272 p.
4. Maurer Trude. *Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. 959 S.
5. Maurer Trude. «Barometry» ili «mayaki» obshchestva? *Izbrannyye stat'i po sotsial'noy istorii russkikh i nemetskikh universitetov* [«Barometers» or «lighthouses» of society? Selected articles on the social history of Russian and German universities]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015, 527 p.
6. Andreev A.Yu. *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian universities of the 18th – first half of the 19th century in the context of the university history of Europe]. Moscow, Znak Publ., 2009, 640 p.
7. Vishlenkova E.A., Galiullina R.Kh., Il'ina K.A. *Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'* [Russian professors: university corporatism or professional solidarity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 649 p.
8. *Setevoi biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Sankt-Peterburgskogo universiteta (1819–1917)* [Network biographical dictionary of professors and teachers of St. Petersburg University (1819–1917)]. St. Petersburg, 2012. Available at: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/881.html> (accessed 01.09.2017).
9. Bourdieu P. Homo Academicus. Standford: Standford Univ. Press, 1988. 384 p.
10. W. Rüegg (gen. ed.). A History of the University in Europe. Vol. 4: Universities since 1945. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 660 p.
11. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra universitatis: dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani* [Terra universitatis: two centuries of university culture in Kazan]. Kazan, Kazan State University Publ., 2005, 498 p.
12. Zhukovskaya T.N., Kazakova K.S. *Russkii student doreformennoi epokhi: normy i povsednevnyaya zhizn' korporatsii* [Russian student of the pre-reform era: norms and daily life of the corporation]. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2007, no. 6, pp. 63–76.
13. Ringer F. *Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [Sunset of German mandarins. Academic community in Germany, 1890–1933]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, 648 p.
14. Brodsky I. *Nobelevskaya lektsiya* [Nobel lecture]. Available at: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (accessed 01.09.2017).